

УДК 82

С.О. Левченко*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СУБЪЕКТ В ПРОЗЕ ЕВГЕНИЯ ХАРИТОНОВА

Данная статья посвящена рассмотрению художественных особенностей прозы Евгения Харитонов. Автор анализирует позицию художественного субъекта в его рассказах, особую роль «я»-сознания, моделируемого Харитоновым, а также связанные с этим мотивы дистанции, отчуждения, противопоставления внутреннего и внешнего мира.

Ключевые слова: рассказчик, субъектно-объектная организация, Харитонов, поэтика идентичности, мотив дистанции.

В искусстве всегда существовали сюжеты и темы, которые в силу идеологических вкусов эпохи были если и не совсем табуированы, то по крайней мере оставались далеко на периферии. Многие художественные произведения так и не дошли до своего читателя именно в силу этого тематического ранжирования. Однако помимо темы и сюжета произведения, мы имеем дело с его поэтикой, с мастерством использования материала. Для каждой отдельно взятой сферы искусства он свой, в литературе этот материал – слово. Массовая культура жонглирует именно своим тематическим арсеналом, в то время как так называемое элитарное (термин условный) искусство интересно искушенному реципиенту именно своим постоянным поиском приемов, реализации концептов, структурными и поэтологическими особенностями.

На наш взгляд, задача современного исследователя – обратиться именно к тем текстам, которые в свое время не заняли свое место в литературной иерархии, так как без изучения таких произведений представление о литературном процессе не может быть полным.

К обозначенным «забытым» авторам относится и Евгений Харитонов.

Творчество Харитонova находится на пересечении нескольких значительных линий в русской прозе XX века. Его эксперименты с формой сближают с П. Улитиним, и далее – с мощными традициями, идущими от Д. Джойса и М. Пруста. Поэтологизация дистанции между автором и художественным субъектом – предтеча работы писателей-концептуалистов (В. Сорокина, В. Ерофеева). Сейчас к нему обращаются исследователи и вне данного контекста, ищущие истоки русского постмодерна и концептуальной прозы. [2, с. 12].

Одна из причин, по которым тексты этого автора не стали широко известны, лежит именно в области тематики его произведений. Проблема художественного субъекта в прозе Харитонova связана с проблемой идентичности в культуре, в том числе гендерной, с проблемой «мужского».

В русской литературе тяжелее, чем в зарубежной, найти писателя, в творчестве которого этот мотив был бы последовательно и разнообразно представлен, а не являлся бы случайным штрихом. Эту ментальную особенность отечественной литературы наиболее убедительно, на наш взгляд, объясняет следующее высказывание: «... русская

* © Левченко С.О., 2015

Левченко Светлана Олеговна (vebka@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

культурная традиция всегда была ориентирована на проблематизацию вертикального измерения культуры, связанного с такими глобальными вещами, как, к примеру, эволюция личности — от грязных подошв до полного растворения в заоблачных высях трансцендентного. <...> Различные же проявления телесности связаны, скорее, с «горизонтальным» измерением культуры, то есть с тем отношением к культуре, где она сама понимается как основа и причина человеческих различий, а не универсального единства.

Именно этой зависимостью от «вертикальных» универсалистских конструкций и объясняется традиционное отсутствие в России профессионально структурированного культурного пространства в том смысле, как оно понимается в традиции европейской [1].

Другая, не менее важная причина состоит в сложном, несколько «рваном» стиле его творчества, в манере изложения, в поэтологических особенностях его рассказов. Как раз на этом моменте нам хотелось бы остановиться поподробнее.

В прозе Евгения Харитоновича присутствует особый художественный субъект, организуемый все произведение. Это не просто точка зрения, не просто перспектива взгляда, не рассказ от первого лица. Все его творчество — это своеобразная поэтизация внутреннего сознания, конструирование собственного «я». Каждым своим произведением, даже если оно написано не от первого лица, Евгений Харитонович анализирует прежде всего само изображающее сознание.

В общих чертах, говоря о стиле Е. Харитоновича, исследователи отмечают «пластичность», эмоциональность и иррациональное начало его прозы, предельную чувственность и «зримость» изображаемого мира, установку на «честную прозу» и исповедальную позицию повествователя [9].

Художественный мир, созданный Харитоновичем, состоит не из описаний, а из «проживаний», собранных как из мозаика чувств, впечатлений, предположений, опасений этого «я».

Художественный субъект в прозе Харитоновича больше анализирует, чем действует, он полон страхов и боится проявлять себя во внешнем мире.

Противопоставление внутреннего мира и внешнего, который изображается как чужой и враждебный, — очень яркая отличительная особенность произведений данного автора. Это противопоставление вводится через идею власти, довлеющей над социумом, несвободы каждого человека. Харитонович пишет о нарушении границ частной жизни, противостоять которому бесполезно, о доминирующей силе — государстве и власти. Эта сила внедряется в частную жизнь людей, заставляет их испытывать страх проявить себя, и, как следствие, во многих из рассмотренных рассказов любовь оказывается низведенной до почти животной тяги к удовлетворению, что не соответствует стремлениям художественного субъекта. Он стремится к теплоте, семейственности, но в данных условиях любые его отношения непродуктивны, а значит, и пытаться нет смысла. Единственный выход — это скрываться.

Итак, большое место в произведении отводится изображению государственной машины как силы, довлеющей над «я», стремящейся его унижить и, в конечном счете, уничтожить. Она давит на рассказчика и как на творческую единицу, и как на личность:

«У человека прав нет, запомните. Человек — это никто. Любой может быть раздавлен и размазан по полу и его след будет немедленно смыт и выброшен в ведро и закопан. Они просто вызвали и припугнули. А имеют ли они право говорить тебе то, чего нет? Они имеют право на все. У тебя нет прав» [7, с. 182].

«Я» рассказчика подвергается сильнейшему прессингу и постоянно ощущает на себе это, мысли его постоянно возвращаются к тому, насколько он раздавлен, его «я» попеременно борется и смиряется с идеей, что эта травля превратила его в ничто.

Во многом выстраивание образа героя Е. Харитонова продолжает традиции русской литературы (образ «маленького человека», образ «лишнего человека») и представляет собой их модификацию, связанную с мотивом невыразимости себя, невозможности самореализации в условиях довлеющей государственной машины.

Проблема идентичности для героя Харитонова мучительна: он напряженно размышляет о том, кто он, какова его судьба, о том, что его «я» обречено никогда себя не выразить. Здесь оппозиция «я»–«вы» не конструируется, а мучительно переживается, превращаясь в границу между «я» и «миром». Дистанция между «я» и «мир» ощутима и для рассказчика, который занимает позицию «наблюдателя», не вмешиваясь и не пытаясь противостоять враждебному миру, и для героя, который пока этого не осознает.

С этим связана и пространственная организация его рассказов. Художественное пространство предельно сжато, чаще все действие разворачивается в пределах одной квартиры, даже комнаты, в которую если и проникает внешний мир, то опосредованно: на уровне звуков, рассказов второстепенных героев и т. д. Писатель работает с напряженной рефлексией повествователя на внешние «раздражители», внешне это походит на простое перечисление событий, предметов, людей, но на самом деле это – трансляция из сознания повествователя, об объектах внешнего мира мы узнаем постольку, поскольку на это отзывается сознание героя.

В этом отношении репрезентативным оказывается рассказ Харитонова «В холодном высшем смысле». Он начинается с рефлексии художественного субъекта на жизненное событие, на своеобразное внедрение в его частную жизнь деталей и «гонцов» внешнего мира. Событие, казалось бы, незначительное – покупка печатной машинки. Рассказчик садится «попробовать» покупку и решает, что нужно что-то написать, попеременно перебивая свои размышления жалобой на шум от печатной машинки, на неудобное расположение букв и т. д. Сначала он начинает вспоминать факты из детства, однако прерывает себя: «... я много чего помню, но описывать этого как Пруст не стану, лучше так повспоминаю» [6, с. 257].

Самим художественным субъектом описываются, по сути, принципы его моделирования текстов: жизнь вокруг нужна ему для того, чтобы задевать «те самые струны». «Мне нужны случаи и реакции на случаи» [6, с. 257], – пишет он.

Этот принцип актуален для ряда произведений Харитонова, где случаи и рефлексии на них переплетаются с фрагментами стихотворений и бессвязными, на первый взгляд, прозаическими вставками.

Повествование, часто «болезненное», отрывочное и фрагментированное раскрывает нам такое же «болезненное» отношение героя с миром. Даже на уровне стиля поддерживается изображение все той же дистанции между «я» и миром. Ритм рассказов Харитонова нарочито рваный, судорожный, повествователь признается, что он и сам «аритмичен», фонетически некоторые фрагменты текста настолько «сжаты» и «закручены», что создается вполне ощутимый образ этих «конвульсий»:

«А в композициях я стремлюсь по капле собрать побольше, чтобы получилось зрелище тугой насыщенной скрученной в комок концентрированной уплотненной жизни в утешение себе и показать людям как я круто туго напряженно упруго как будто живу» [8, с. 237].

Это соответствует и воспаленности восприятия повествователя, который прямо признается «мне 100 лет» и мне «все надоело», и тому, что он, собственно, повествует: отношения с женщинами, с искусством, с культурой, описанные здесь, полные иронии и некоего фарса, усталой усмешки, обращенной на самого себя и свой жизненный путь.

Мотив старости как причины отчужденности от внешнего мира часто встречается у Харитонова. Старость в его произведении всегда связывается с мотивом телесности,

а именно каких-либо физических недостатков, внешнего несовершенства, и, опять-таки, приводит к принципиальному разобщению художественного субъекта с прочими персонажами.

Итак, основой художественной рефлексии для героев Е. Харитоновой становится непреодолимая дистанция, которая в творчестве данного автора постепенно видоизменяется: сначала дистанция между художественным субъектом и другими героями, затем в отношениях между героем и миром, который изображается всегда враждебно, и в конце концов непреодолимый раскол обнаруживается в самом «я», сама личность разрушается под гнетом внешнего мира. Рефлексия по поводу этой дистанции оформляется в традиции потока сознания, события и факты реальности транслируются из сознания героя.

Проблема идентичности для художественного субъекта в творчестве Е. Харитоновой решается всегда трагично, рассказчик связан с особым типом героя, переживающего свое чувство и невозможность его счастливой реализации, а следовательно, разобщение меду собой и миром. Здесь вводится так же мотив старости как невозможности жить полноценно, а значит, как одна из причин отчуждения от внешнего мира как физической непривлекательности, невозможности строить отношения с социумом.

Второй, не менее важный мотив, тесно связанный со всем вышесказанным, — это мотив дистанции. Эту дистанцию меду собой и внешним миром, собой и другими героями, казалось бы, сам и поддерживает, однако каждый раз, осознавая ее, художественный субъект все более чувствует трагизм своего положения.

Так можно охарактеризовать особенности художественного субъекта в творчестве Евгения Харитоновой. Как мы уже сказали, рефлексизирующее «я» является неким центром, организующим все произведение. Это можно увидеть на разных уровнях его текстов.

Например, стиль произведений Харитоновой на первый взгляд кажется пестрым смешением разных текстов. На самом же деле тут ощутим главный смысловой стержень, на которые эти фрагменты нанизаны — мучительный поиск своей идентичности и попытка объяснить свое «я».

С этой же особенностью творчества Харитоновой связана и художественная специфика его произведений, многие из которых представляют собой некую сложную жанровую модель, имеющую черты очерка, дневниковой записи и рассказа. Написанные, в основном, как впечатление от каких-то реальных фактов из биографии писателя, они могут включать в себя размышления самого автора, его воспоминания, включенные небольшие новеллы, стихотворения.

В целом они представляют собой очень интересный социокультурный документ, имеющий значение и для биографии писателя, и для характеристики того времени и среды, в которой он жил.

Библиографический список

1. Могутин Я. Каторжник на ниве буквы // Глагол. 1993. С. 5–20.
2. Беляева-Конеген С. Интервью с Дмитрием Приговым (о Евгении Харитонове) // Митин журнал. 1990. № 34. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?number=34> (дата обращения: 07.04.2014).
3. Яркевич И. Последняя прямота. URL: <http://www.guelman.ru/yarkevich/esse12.htm> (дата обращения: 20.03.2014).
4. Харитонов Е. Слезы об убитом и задушенном // Глагол. 1993. С. 177–210.
5. Харитонов Е.В. Слезы на цветах // Глагол. 1993. С. 234–248.
6. Пригов Д. Как мне представляется Харитонов // Глагол. 1993. С. 87–93.
7. Рогов К. «Невозможное слово» и идея стиля // НЛО. 1993. № 3.

8. Садур Н. Живая длящаяся жизнь // Глагол. 1993. С. 148–15.
9. Саморукова И.В. Паттерны маскулинности в современной поэзии // Цирк «Олимп». 2013. № 6(39).
10. Фрейд З. Я и Оно // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 184–188.
11. Харитонов Е. В холодном высшем смысле // Глагол. 1993. С. 256–265.

References

1. Mogutin Ya. *Katorzhnik na nive bukvy*. *Glagol*, 1993, pp. 5–20 [in Russian].
2. Belyaeva-Konegen S. Interview with Dmitry Prigov (about Evgeny Kharitonov). *Mitin zhurnal*, 1990, no. 34. Retrieved from: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?number=34> (accessed 07.04.2014) [in Russian].
3. Yarkovich I. *Posledniaia priamota*. Retrieved from: <http://www.guelman.ru/yarkevich/esse12.htm> (accessed 20.03.2014) [in Russian].
4. Kharitonov E.V. *Slezy ob ubitom i zadushennom*. *Glagol*, 1993, pp. 177–210 [in Russian].
5. Kharitonov E.V. *Slezy na tsvetakh*. *Glagol*, 1993, pp. 234–248 [in Russian].
6. Prigov D. How I see Kharitonov. *Glagol*, 1993, pp. 87–93 [in Russian].
7. Rogov K. «Impossible word» and the idea of style. *NLO [UFO]*, 1993, no. 3 [in Russian].
8. Sadur N. Living lasting life. *Glagol*, 1993, pp. 148–151 [in Russian].
9. Samorukova I.V. Patterns of masculinity in modern poetry. *Tsirk «Olimp» [Circus «Olimp»]*, 2013, no. 6 (39) [in Russian].
10. Freud Z. The Ego and the Id. *Anthology on the history of psychology*. P.Ya. Gal'perin, A.N. Zhdan (ed.). M., Izd-vo MGU, 1980, pp. 184–188 [in Russian].
11. Kharitonov E.V. *V kholodnom vysshem smysle*. *Glagol*, 1993, pp. 256–265 [in Russian].

*S.O. Levchenko**

ARTISTIC SUBJECT IN THE PROSE OF EVGENY KHARITONOV

This article is devoted to considering artistic peculiarities in Evgeny Kharitonov's prose. The author analyzes the position of artistic subject in his stories, the special role of self-awareness modeled by Kharitonov and also related thereto motives of distance, estrangement, opposition of inner and outer world.

Key words: narrator, subject-object organization, Kharitonov, poetic of identity, motive of distance.

Статья поступила в редакцию 26/XI/2014.
The article received 26/XI/2014.

* *Levchenko Svetlana Olegovna* (ve6ka@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.